

К Р И М И Н А Л Ь Н А Я П Р О З А

ДЕНИС ВОРОНИН

**КОЛЕЯ
К РЖАВОМУ
СОЛНЦУ**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В75

Серия «Криминальная проза»
Серийное оформление *Юлии Межовой*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Воронин, Денис Алексеевич
В75 Колея к ржавому солнцу / Денис Воронин. —
Москва: Издательство АСТ, 2020. — 605, [1] с. (Кри-
минальная проза).

ISBN 978-5-17-114046-5

Февральский Петербург встречает непогодой мечтавшего о переезде тринадцатилетнего Тима. Именно здесь ему предстоит жить, отчаиваться, влюбляться и ненавидеть.

В попытках «свалить» за границу медработник пускается в аферу за аферой — лишь бы выбраться из старой коммуналки.

Тем временем, сотрудники коллекторского агентства вместе с наемным убийцей разыскивают автомобиль, угнанный вернувшимся из Амстердама Жекой Онегиным.

Их кривые дорожки пересекутся в заснеженном лесу. Спрашивается: и при чем здесь сбитый в войну и рухнувший в озеро советский транспортный самолет?

© Денис Воронин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Собака дожидается утра.

Она знает, что утром придут люди и во всем разберутся.

Другие люди. Не такие, как человек, что был здесь совсем недавно. И уж точно не такие, как тот, что прямо сейчас находится здесь. Наверное, его теперь трудно и человеком-то назвать. Это уже просто кусок мяса.

Мяса, которое нельзя есть.

Собака ложится на пол, грязный, в темных разводах сначала растаявшего, а потом высохшего от тепла двух масляных радиаторов снега. Печки держат оборону от кусачего мороза, пытающегося пробраться сюда с улицы из-за стен из сэндвич-панелей. Улегшись, она перебирает передними лапами, словно подходит к стоящей за дверью пластмассовой миске. Туда рабочие по утрам кидают принесенные из дома кости, а днем выскребают остатки своих обедов. Собаке помнится, что в миске еще что-то оставалось, но сейчас это никак не проверить. Человек, что недавно ушел отсюда, плотно захлопнул дверь, отрезав выход на улицу. Собаке остается лишь ждать.

Она терпеливая, ей не привыкать. Сколько часов провела она в своей будке и возле нее, карауля дом хозяина. Дом был небольшой, деревянный, покосившийся от старости. Как и все остальные дома вокруг. Потом

хозяина не стало. Он продал дом и куда-то уехал. Далеко — так, что даже если собака и захотела бы его найти, не смогла бы. Она осталась при доме с заколоченными окнами, будто пес-поводырь при слепом. Жизнь без хозяина стала голоднее, но ведь ко всему можно привыкнуть. Собака привыкла. Научилась искать еду возле помоек, с рычанием и драками отбирать ее у других сородичей. Охотилась на наглых черных ворон. Пила из луж. Она отошала, ее шерсть завалилась. Но каждый вечер собака возвращалась в конуру — сторожила дом, пока однажды ночью, в сильный ветер, на него споткнувшимся великаном не рухнуло дерево. Оно с грохотом проломило крышу, куски шифера и осколки стекла разлетелись вокруг, а испуганная собака увидела, что дом вдруг стал похож на человека, который, устав, привалился к стене да так и замер. Стал мясом. Собака заволновалась, поняв, что сторожить больше нечего. Она ушла со двора и несколько дней прожила под крыльцом соседнего, тоже опустевшего дома, не понимая, что же ей делать.

А потом появились незнакомые люди. Много людей. Они пригнали грозно рычащие механизмы и стали ломать дома. Когда очередь дошла до того, под крыльцом которого жила собака, она выползла оттуда.

— Смотри, и на собаку-то не похожа! Панда какая-то! — засмеялся один из людей. — Только худая.

Собака и правда больше напоминала какую-то специально выведенную породу. Будто уменьшенного в несколько раз бамбукового медведя скрестили с сибирским хаски, в чей геном пару поколений назад затесалась лиса — настолько хаотичный был у нее окрас. Рыжие подпалины на боках и на хвосте, черные несимметричные круги почти под глазами на фоне белой морды.

— Вроде бы сообразительная. Башка вон здоровая какая. Что она тут делает?

— В караул ее надо взять, вот что! — предложил человек в белой каске и спросил собаку. — Панда, пойдешь к нам?

И собака пошла.

Стала Пандой.

Вместо сломанных домов люди привезли новые, прямоугольные, поставили вокруг них бетонный забор с воротами, вырыли большую яму, стали в ней что-то делать. Собака осталась жить в одном из домиков вместе с тремя по графику сменяющимися друг друга охранниками.

И сейчас один из этих охранников, молодой, больше всех возившийся с Пандой, когда та однажды заболела, неподвижно лежит на полу. Из-под него вытекает остро пахнущая жидкость, от резкого железного запаха которой у собаки дыбом становится шерсть на загривке. Собака поскуливает, снова перебирает лапами. Она хочет сбежать на улицу. Пускай там жгучий холод, а яркие прожектора, освещающие стройплощадку, похожи на злые взбесившиеся луны, но нет этого страшного запаха сырого мяса.

Собака дожидается утра.

* * *

Утром придут рабочие, недоуменно столбятся у закрытых ворот, а потом один из них, подсобник из молодых, матерясь, перелезет через забор и впустит всех остальных. С возгласами: «Да что он, уснул там?» — они бросятся к бытовке охраны, в которой исходила на лай собака.

И увидят на полу труп.

Со скрюченными пальцами он лежит у столика, на котором стоят чайник и ноутбук. Рядом брошена тяжелая, с длинной отполированной ручкой кувалда. Ее

железный набалдашник в крови, вытекшей из проломленной головы охранника. На лице убитого застыла жуткая гримаса, будто ему до сих пор больно. Правый глаз охранника вывалился из глазницы и лежит на полу. Бело-красный, как промытые куриные потроха, нерв кажется червём, пытающимся заползти в голову через окровавленную глазницу.

— Ё-мое,— произнесет лезший через забор подсобник.— А что это у него за перчатка такая?

Левый рукав черной униформы убитого охранника задран по локоть, обнажая руку. Подсобник принимает за перчатку темную запекшуюся кровь с лохмотьями кожи в тех местах, где ее не смог содрать неизвестный мясник.

1. ВОЙ СОБАКИ ПРОРОЧИТ БЕДУ

В жизни каждого нормального мальчика наступает пора, когда он испытывает безумное желание пойти куда-нибудь и порыться в земле, чтобы выкопать спрятанный клад. Это желание в один прекрасный день охватило и Тима.

Впрочем, день не был прекрасным. Говоря по правде, был он... Был он тягостным, невозможно бесконечным днем похорон старшего брата.

* * *

Собака завывала, когда только что вернувшийся из школы Тим обедал, сидя с самого края большого, как корабль, стола. Стол из оструганных, а затем тщательно ошкуренных и покрытых прозрачным лаком сосновых досок сделал еще дедушка. Ножками служили две дубовые плахи, каждая — толще Тима. Мальчика всегда интересовало, сколько же годовых колец скрыто столешницей на дубовых срезах. Штук сто, уж никак не меньше. А может — и все двести.

— Ох ты, господи, — проворчала возившаяся на кухне бабушка. — Житья от этого волчары не стало. Все воеет и воеет, подлец. Пристрелил бы его Николаич, что ли?

Как самому-то не надоело слушать каждый день эту музыку?

Полина Ивановна преувеличивала. Велосипед, как смешно звали соседскую собаку, был молчаливым, под стать своему хозяину, неразговорчивому старику, попусту никогда не лаял, а выл редко, только когда на небо выползала полная луна. Тут уже давали о себе знать волчьи гены, до поры до времени таившиеся в каждой собаке. И уж тем более в Севке, выглядящем так, что забредшие на их улицу незнакомцы пугались лобастой, пепельного окраса лайки с будто бы злым оскалом сахарно-белых зубов.

Тим наклонился, выглянул в окно, до середины стекла заросшее морозным узором. Так и есть, в ясном февральском небе поблескивала тусклая монетка ранней луны, на которую и голосил Севка.

— Не вертись! Ешь уже давай, пока не простыло!

Тима всегда удивляло, как это бабушка, стоящая к нему спиной или, прямо как сейчас, возившаяся у газовой плиты на огороженной занавеской кухне, может видеть, что он делает. Очки, висевшие у нее на груди, были ей совсем не нужны. С таким же успехом она могла бы глядеть и сквозь покрывшки, сваленные за боксом шиномонтажа на выезде из поселка.

Тим склонился к тарелке, поковырял в ней вилкой. Никто не спорит, сваренная с вечера, а теперь разжаренная на сковородке картошка, присыпанная молотым черным перцем, квашеная капуста и соленые огурцы со своего огорода — еда полезная, да только порядком надоевшая. Бабушка готовила вкусно, однако разнообразием блюд себя и внука не баловала. Много ли купишь деликатесов и вкусняшек на пенсию, четверть которой сжирают хищные коммунальные платежи за свой же собственный дом, построенный бабушкой еще на финском фундаменте? У дома была летняя терраса

и неотапливаемый чердак, где хранились старые вещи, которые было жалко выкинуть; по осени, до самых холодов, сушился рассыпанный бесконечным множеством простых чисел (проходили недавно на алгебре) репча-тый лук и было припрятано... Кое-что еще, о чем Полина Ивановна даже не догадывалась. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала?.. Еще при доме были погреб и сарай, где раньше, когда дедушка был жив, а бабушка — моложе, держали поросенка и козу. Ну и сразу за огородом баня с потемневшими стенами и потолком. Целое хозяйство.

Доев картошку, Тим заварил себе чай из уже один раз использованного пакетика. Он пил несладкий чай с куском засохшего ключего батона, политым «комариным», как его называла Полина Ивановна, черничным вареньем, и поглядывал, как бабушка одевается.

На улице стоял мороз, и ее сборы казались Тиму манипуляциями космонавта со скафандром перед выходом в открытый космос. Повязанный на груди пуховый платок. Второй такой же — вокруг поясицы. На голову — кем-то привезенная из Финляндии вязаная шапка с ушами. На ноги — уже дважды клеенные Тимом дутые сапоги-«луноходы». И коричневое пальто с воротником из искусственного меха, которое бабушка носила, сколько Тим себя помнил. Одежда, пережившая разом страну, для граждан которой ее придумывали, и фабрики, на которых ее шили. Но, как оказалось, не моды. Сейчас в этих пальто — не прямо в таких, но чем-то похожих — ходили девушки, которых показывали по телевизору и чьи фотографии печатали в девчоночьих журналах. Называлось это непонятным, но вкусным, как эклер (сейчас бы один такой к чаю!), словом «винтаж». На девушках эти нелепо, в общем-то, скроенные вещи смотрелись эффектно и броско. Модно. А вот бабушку ее пальто старило еще больше и словно притягивало к земле. Застав-

ляло выглядеть жалкой и социально (Тим только этой осенью на уроках истории узнал, что означает это слово) незащищенной пенсионеркой, едва сводящей концы с концами, каковой она, собственно, и являлась. В такие моменты у мальчика начинало щекотать в горле, а сам он чувствовал себя Буратино, мечтающим выучиться и подарить Папе Карло тысячу новых курток. Впрочем, он знал бабушку не хуже, чем она его. Не купила бы она себе ни новую куртку, ни пальто. Усмехнулась бы и сказала: «К чему мне наряды? Отнарядилась уже. Помирать скоро».

— Тима, я на рынок и до «Карусели» дойду. На свинину скидки там, говорят. Посмотрю, может, мяса куплю, а то вон, совсем отощал ты у меня, — произнесла Полина Ивановна, наконец собравшись и встав перед дверью в сени. — А ты баллон с газом поменяй, хорошо? Этот почти кончился. И за уроки принимайся, нечего ночи ждать...

После ее ухода Тим включил чихающую колонку, чтобы вымыть за собой посуду, но закончить не успел. Видимо, баллон опустел окончательно. Синий огонек газа в колонке затрепетал и сник, ополаскивать тарелку и кружку пришлось в ледяной воде, от которой в одну секунду заломило руки.

Накинув старый, на два размера больше, чем нужно, и поэтому слишком длинный военный бушлат, Тим выскочил на улицу. Ключом отвинтил гайку и подключил шланг с редуктором к запасному, полному баллону. Потом запер их оба на замок в давно некрашеном металлическом ящике, приткнувшемся к стене сбоку дома. Разогревшись, не чувствуя холода, встал посреди двора, оглядывая покосившийся забор, заваленный снегом огород с чахлыми яблонями и бледную толстуху-луну, висевшую над крышей дома старика соседа по прозвищу Николаич-Нидвораич.

Тим тихо свистнул и позвал:

— Севка!

Лайка, предусмотрительно переставшая выть и убравшаяся с глаз долой, как только из дома вышла бабушка, теперь снова появилась в поле зрения и, перепрыгнув через невысокий забор, подбежала к мальчику. Виляя хвостом, обнюхала его руки без варежек, присела рядом, широко зевнула и клацнула компостером челюстей. Тим улыбнулся, вспомнив, как прошлым летом Севка так же угрожающе щелкал зубами, догоняя двух отбившихся от экскурсии и заблудившихся в их поселке подвыпивших финнов. Финны убегали и смешно орали друг другу:

— Суси! Суси! (Волк! Волк!)

А Тим бежал за ними и, хихикая, подзуживал:

— Суси! Карху! (Медведь!) Ленин!

В свои тринадцать он неплохо знал английский (уроки в школе и скаченные через торренты нерусифицированные компьютерные программы, в которых приходилось самостоятельно разбираться), поэтому, догнав финнов, крикнул им:

— Донт вори! Итс э дог! Нот волф, нот крокодайл!
(Не бойтесь! Это собака! А не волк и не крокодил!)

Финны остановились и засмеялись друг над другом. Тим с ними разговорился. Оказалось, что у одного из них, Ярри, когда эта территория еще принадлежала Финляндии, жил здесь отец. Болтая о том о сем, они втроем пошли искать место, на котором раньше, до войны, стоял дом отца Ярри. Заросший крапивой фундамент нашли на берегу залива. Ярри сокрушенно покачал головой, сфотографировал это место на телефон, потом угостил Тима едкими лакричными конфетами. Написал на листке бумаги свой адрес в Финляндии, пригласив приезжать в гости к нему и двум его сыновьям, одного из которых звали, кстати, Тиимо. Тим проводил новых

знакомых до центра города, где их поджидал туристический автобус, но в гости так и не собрался, хоть Ярри с сыновьями жил всего в сорока километрах от границы. У них с бабушкой, тянувших на одну ее пенсию, денег на заграничные поездки не было.

— Ну что, Лисапед? — потрепал Тим лайку по большой голове.

Та задрала морду, посмотрела умными блестящими глазами и вдруг, отступив на три шага от мальчика, громко завyla, на этот раз не на луну, а прямо на него. «Что с ней такое?» Тим легонько шуганул рукой уставившуюся на него собаку:

— Дурак! А ну, давай домой!

Севка понял свою оплошность и, виновато оглядываясь на мальчика, выбежал со двора через приоткрытую калитку.

Тим немного постоял, размышляя, чем заняться. Уроки подождут.

А вот баню в конце недели никто не отменит, дров мало, надо наколоть еще. Так почему не сейчас? Тем более что все семнадцать градусов ниже нуля вражескими лазутчиками прокрались ему под одежду, и надо было как-то согреться.

Он отпер темный сарай, выкатил из него десяток толстых поленьев, прямо в дверях, чтобы не таскать далеко, установил плаху и, кряхтя, водрузил на нее первого деревянного здоровяка.

Тим поднимал тяжелый колун, аккуратно тюкал его лезвием в середину полена. Потом брался за еще более тяжелую кувалду с ржавым набалдашником и с размаха бил ею по обуху. Отзываясь лагерным звоном в зимнем студеном воздухе, лезвие колуна с каждым ударом уходило все глубже и глубже в сухое дерево, пока полено наконец не раскалывалось пополам. С получившимися половинами все повторялось, а вот уже четвертинки

Тим мог колоть без всяких ухищрений, если, конечно, не попадалось какого-нибудь подлого сучка.

В любом случае, это было нелегкое занятие для мальчишки среднего школьного возраста и ничуть не мощной комплекции.

Пару раз Тим брал тайм-аут. Отдыхал, привалившись к косяку сарая, чувствуя, как испаряется с разгоряченного лица пот. Сделав рот буквой «О», курил невидимую сигару, поджигая ее такой же невидимой зажигалкой. Зажав сигару между большим и указательным пальцами, отводил их в сторону и выдыхал изо рта в морозный воздух клубы пара. Сигара была кубинской, вроде тех, что постоянно курил генерал из фильма про уехавших на охоту пьяниц. И Тим мог бы ее курить весь день — не то что другие ребята. Наверняка бы свалились от двух затяжек.

Быстро темнело. Луна, колобком укатившаяся в сторону залива, стала резче в своих очертаниях.

Забитые молочной кислотой мышцы предплечий, плеч и спины словно скидывали усталость в мелкую моторику забывших про сигару пальцев правой руки, вертевших из стороны в сторону нижнюю пуговицу на бушлате. Бушлат был поношенным, с застиранным камуфляжным рисунком и наверняка краденным. Полина Ивановна по случаю купила его у двух опасливо озирающихся по сторонам «срочников», болтавшихся на подходах к городскому рынку. Тим повел ноющими плечами, оторвался от мерзлого дверного косяка, взгромоздил одно из двух оставшихся поленьев на плаху и снова взялся за колун.

Тут он и увидел Дядю Степу.

Настоящее его имя было Юрий Владимирович, но за высокий рост и должность участкового поселка называли Дядей Степой. Некоторые поселковые, по каким-либо причинам обиженные на Дядю Степу, предпочитали звать его Полицаем (из-за немецкой фамилии Шейфер)

или Иудой (эти считали, что фамилия еврейская). Дядя Степа был, впрочем, нормальным русским мужиком — справедливым, не злым и заявлявшим, что правильных милиционеров за все времена было только два, да и то в кино: капитан Жеглов и капитан Глухарев. Выпивал он, если верить его словам, только в свои законные выходные. И получалось, что плавающих выходных в весьма гибком графике Дяди Степы гораздо больше, чем рабочих дней. Прямо какой-то календарь мая.

Но сейчас, кажется, Дядя Степа был трезвым. Он вошел во двор, посмотрел на неосвещенные окна дома, пожал плечами.

— Никого нет, что ли? — спросил сам у себя низким прокурренным голосом.

Тима, стоявшего в темном дверном проеме сарая метрах в семи от него, участковый не увидел. Неудивительно.

И дело тут даже не в сумерках. Незаметка — он и есть незаметка.

Дядя Степа, видимо, разглядел, что навесного замка на дверях дома нет, прокашлялся и шагнул вверх по лестнице из трех ступенек. Гулко постучал в дверь и громко произнес:

— Хозяевá!

Подождал немного, прислушиваясь, постучал снова. Потянул на себя скрипнувшую дверь, не входя в дом, сказал в его темное нутро:

— Эй! Есть кто дома?

— Я здесь, Дядя Степа! — от сарая подал голос Тим.

Участковый вздрогнул, обернулся. Увидел мальчишку и проговорил:

— Тимоха? А я тебя и не заметил!

Он спустился с крыльца, подошел. По тому, что он старательно дышал через нос, Тим заключил, что Дядя Степа появился здесь все-таки в свой «выходной».

— А Ивановна где?

Говорил он немного в сторону и вниз, будто в чем-то провинился перед Тимом. Мальчику от этого стало смешно. Он пожал плечами и ответил:

— В магазин ушла. Скоро вернется.

Дядя Степа помолчал, нависая над мальчишкой, за-сопел. Его следующие слова показались Тиму ледяными рыбинами, грузно шлепнувшимися на лед.

— Тут это... Брата твоего нашли, Тимоха... В больницу отвезли. Но врачи говорят, что... — он покачал головой и через короткую паузу сказал: — Кончится он скоро... Вот так вот бывает...

И обернулся, услышав, как за спиной коротко вскрикнула Полина Ивановна.

* * *

Пока они с бабушкой добрались до больницы, стемнело окончательно. Приземистое здание ЦРБ напомнило Тиму школу, какой пустынной и заброшенной та бывает в июле, в середине летних каникул. Изнутри больница выглядела все-таки больницей с той лишь поправкой, что это — последнее медучреждение на планете, где свирепствует смертоносный вирус. Все в ней было тусклым и будто запыленным, даже персонал.

Молодой уставшей девушке за стойкой приемного покоя, по мнению Тима, больше хотелось разгуливать по гляцевым страницам в винтажных одеяниях, чем сидеть на круглосуточном посту в голубой медицинской спецодежде, поэтому она выбрала третий, компромиссный вариант — увлеченно тыкала пальцами в экран смартфона.

— Здравствуйте. Мы — родственники Пильщикова, — тихо произнесла бабушка.

— А? — оторвалась медсестра от смартфона.